

Материалы к биографиям ученых и инженеров

ГВОЗДЕЦКИЙ В. Л.

УЧЕНЫЙ И ВРЕМЯ

(к 100-летию со дня рождения В. В. Данилевского)

В. В. Данилевский. 1950-е гг.

В анналах истории науки и техники существуют имена ученых, одно упоминание которых вызывает устойчивые и зримые ассоциации со страной и временем, когда они творили и жили. К таким исследователям относится и выдающийся отечественный историк техники В. В. Данилевский, 100-летие со дня рождения которого отмечалось 4 сентября 1998 г. Его творческий и жизненный путь совпал с эпохой 1920–1960-х гг. За срок немногим более трех десятилетий он сумел достичь очень многого. Дважды лауреат Сталинской премии, действительный член АН УССР, автор фундаментальных исследований, В. В. Данилевский был крупным научным авторитетом, идеологом изучения и преподавания истории техники. После кончины ученого в память о нем проводились юбилейные заседания и мемориальные вечера. Со временем, однако, к наследию В. В. Данилевского стали обращаться все реже. Настало время смахнуть пелену забвения, объективно и беспристрастно взглянуть на жизнь и дела ученого.

* * *

Начало творческого пути В. В. Данилевского восходит ко времени его учебы в Харьковском технологическом институте. По окончании втуза в 1923 г. он несколько лет работал на производстве. В 1926 г. интерес к истории техники приводит Данилевского в Харьковский исторический музей (см. [1]). С этого момента исто-

рия техники становится для молодого ученого смыслом его жизни. Данилевский отдает много сил преподаванию. Его энергия и настойчивость способствовали организации в 1928 г. в Харьковском университете, Харьковском сельскохозяйственном институте и Украинском полиграфическом институте кафедр истории техники (см. [2]). Одновременно он активно занимается научной деятельностью. С 1925 по 1929 гг. из-под пера ученого выходит пять книг по истории техники.

Учитель и ученый — такова сущность В. В. Данилевского, сложившаяся окончательно уже к концу 1920-х гг. Лишь несколько лет понадобилось ему, чтобы заявить о себе как об одном из наиболее перспективных историков техники. Несомненно, столь быстрому выдвижению способствовали талант, работоспособность, организаторские наклонности, любовь к избранному делу. Но не только это. Карьере Данилевского благоприятствовали и те социально-исторические условия, в которых протекало его профессиональное становление. Общественный и личный векторы как бы совпали и по времени, и по направлению.

Конец 1920-х гг. — время перехода от одной эпохи в истории техники к другой. Заканчивался период свободных, неидеологизированных дискуссий, проводившихся П. К. Энгельмейером, К. Матчоссом, П. К. Худяковым и другими учеными в рамках Российского технического общества, Русско-германского общества «Культура и техника», Кружка по общим вопросам техники. Наступало время индустриализации и ее инженерно-кадрового обеспечения. Большая роль в этом вопросе отводилась истории техники. Новый курс был закреплен постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., где говорилось о разработке марксистской истории техники. В резолюции партийного форума указывалось, что «...необходимо обеспечить в программах ВТУЗов конкретную экономику и марксистскую историю техники» [3, с. 338]. Установка пленума ЦК ВКП(б) дала импульс развитию историко-технической мысли, формированию сети научных, учебных и просветительских заведений.

В 1930 г. в Комакадемии при Институте техники и технической политики открылся сектор истории и методологии техники. Год спустя в Ленинграде в Доме инженерно-технических работников организована секция марксистской истории техники. Исторической вехой дисциплинарного развития стал 1932 г., когда постановлением Общего собрания Академии наук на базе Комиссии по истории знаний (КИЗ) в Ленинграде был создан Институт истории науки и техники (ИИИТ) АН СССР. Его работу возглавил Н. И. Бухарин. Институт состоял из шести секций, в том числе и секции истории техники. Ее председателем стал В. Ф. Миткевич. В следующем, 1933 г., при КВТО ЦИК СССР учреждается Комиссия марксистской истории техники.

Большое внимание в начале 1930-х гг. уделялось преподаванию истории техники в высшей школе. Начиная с 1930/31 учебного года курс истории техники читался в Московском горном институте, Московском институте стали, Московском энергетическом институте, Ленинградском политехническом институте, Ленинградском горном институте, а также в ряде втузов Киева и Харькова. Развернулась активная подготовка учебных программ по общей и отраслевой истории техники. Их публикация и обсуждение велись главным образом на страницах печатного органа Комиссии марксистской истории техники при КВТО ЦИК СССР «История техники». (Всего было издано шесть выпусков под редакцией академика Г. М. Кржижановского.) Остро встал вопрос о методике и задачах преподавания, а также подготовке пособий по историко-техническим дисциплинам. Вскоре по этим вопросам стали появляться первые публикации (см. подробнее [4]).

В 1932 г. В. В. Данилевский по инициативе и при содействии вице-президента АН СССР академика Н. Я. Марра переехал в Ленинград, являвшийся крупнейшим научным центром в области истории техники (см. в [1]). Перед ученым открывались новые творческие возможности. Вначале он сотрудничал с Государственной академией истории материальной культуры, чуть позже главным местом его работы становится Ленинградский политехнический институт (ЛПИ)*. Там его творческий путь пересекся с крупнейшими специалистами в области технических наук и истории техники, членами-корреспондентами АН СССР А. А. Радцигом и М. А. Шателеном.

В 1936 г. в ЛПИ была учреждена кафедра истории техники, которую возглавил Х. И. Гарбер. Вскоре он был репрессирован, и заведующим кафедрой стал В. В. Данилевский, руководивший ею вплоть до своей кончины в 1960 г. Через год после смерти ученого без каких-либо оснований кафедра была ликвидирована. Ошибочное решение руководства ЛПИ и МВО СССР нанесло заметный ущерб развитию истории техники.

В 1934 г. В. В. Данилевский издает «Очерки истории техники XVIII–XIX вв.» [5] — оригинальное исследование, являвшееся одновременно и хорошим учебным пособием. Работа вызвала большой положительный резонанс, поскольку, как отмечал С. В. Шухардин, «это в советской литературе, по сути дела, было первой попыткой дать комплексное изложение развития важнейших отраслей техники в период промышленной революции и становления капитализма с использованием большого фактического материала» [4, с. 29].

Сформировавшийся в 1930-е гг. исследовательский метод В. В. Данилевского характеризуется всесторонностью, глубиной и профессионализмом. Это объясняется, во-первых, базовым инженерным образованием, во-вторых, воспринятыми от А. А. Радцига, М. А. Шателена и других представителей классической научной школы тщательностью и скрупулезностью в проведении изысканий и, в-третьих, любовью и вкусом к архивам, документам, первоисточникам. Эти качества дополнялись интересом к экспедиционному изучению технических объектов в условиях «естественной среды обитания». Именно этим проблемам посвящена опубликованная в 1932 г. статья о методе изучения истории техники [6]. Разработка и использование на практике метода полевой истории техники — одна из главных заслуг Данилевского как методолога.

Начиная с 1929 г. и в течение более чем двух десятилетий В. В. Данилевский обследовал все основные регионы, связанные с развитием машинно-фабричного производства страны. Карта научно-экспедиционных маршрутов ученого огромна: Псковщина и сибирские реки Иртыш и Катунь с расположенными на них фортификационными сооружениями; административно-производственные здания и цеховые корпуса оружейных заводов Златоуста и Тулы; старинные уральские заводы, возведенные вдоль рек Чусовой, Белой, Исети, Туры; главные центры горно-заводского производства Сибири и Урала XVIII в. — Барнаул, Нижний Тагил, Екатеринбург, Белорецк, Касли, Верхняя и Нижняя Салда, Пермь, Невьянск, Кыштым; мемориальные места, связанные с жизнью и творчеством М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, Н. Г. Славянова, П. П. Аносова, Д. К. Чернова, А. К. Нартова, И. П. Кулибина, И. И. Ползунова, Е. А. и М. Е. Черепановых.

* В 1930 г. решением ВСНХ СССР ЛПИ был ликвидирован, а точнее — расчленен на семь втузов отраслевого профиля. На их основе в 1934 г. был учрежден Ленинградский индустриальный институт (ЛИИ), которому в 1940 г. было возвращено прежнее название — Ленинградский политехнический институт (ЛПИ).

В своих научных экспедициях Данилевский главное внимание уделял изучению техники горно-металлургического производства, рудников и шахт, гидросиловых установок и систем плотинных сооружений. В 1940 г. была издана его монография о развитии гидроэнергетики России в XVII–XVIII вв. [7]. В работе исследованы роль гидротехнических сооружений в развитии фабрично-заводского производства, техника строительства водоподъемных плотин и деривационных каналов, история конкретных промышленных объектов — Змеиногорского рудника, Алейского, Локтевского и Гавриловского заводов, Екатеринбургской, Колыванской, Водкинской и Златоустовской плотин.

В том же, 1940-м г., выходит из печати самое крупное исследование В. В. Данилевского «И. И. Ползунов. Труды и жизнь» [8]. Идею написания подобной книги в рамках кампании по увековечению памяти выдающегося русского теплотехника выдвинул президент АН СССР В. Л. Комаров. Научно-организационное содействие работе над рукописью оказывал председатель Постоянной комиссии по истории техники и естествознанию АН СССР академик С. Г. Струмилин. Ответственным редактором выступил крупнейший специалист в области теплотехники и ее истории член-корреспондент АН СССР А. А. Радциг.

В основу работы было положено как изучение архивных источников, так и полевые обследования памятных мест и объектов, связанных с деятельностью изобретателя: остатки плотин и водоемов в Барнауле, Колывано-Воскресенские заводы, Змеиногорский рудник. Работа состоит из двух частей. Первая — монографическое исследование, содержащее описание жизни Ползунова и технический анализ его инженерного наследия. Вторая — меньшая по объему — заключает подлинные материалы, касающиеся творчества изобретателя. Центральное место принадлежит двум основным сочинениям Ползунова: «Докладной записке» и «Описанию огнедействующей машины». В обстоятельствах публикации этих работ русского теплотехника и сокрыт главный научный итог исследования Данилевского.

Дело в том, что указанные сочинения были ранее опубликованы дважды (см. подробнее [9]). Сравнительный анализ текстов высветил большое количество неточностей и разночтений, а главное, встал вопрос об адекватности публикаций утраченным рукописным подлинникам, вывезенным из Барнаула в Санкт-Петербург в 1883 г. и бесследно исчезнувшим. В целях установления истины В. В. Данилевский в течение девяти лет вел скрупулезный поиск в крупнейших архивных хранилищах и библиотеках страны — ЦГАНХе, Архиве АН СССР, Новосибирском областном архивном управлении, Алтайском краевом архивном управлении, Свердловском областном архиве, Центральном архивном управлении УССР, Государственном архиве феодально-крепостной эпохи (ГАФКЭ) и др. В результате было найдено около 200 неизвестных ранее документов. Но главное заключалось в обнаружении рукописных текстов двух названных выше работ Ползунова. Эти тексты ученый и опубликовал в своем труде. Известный исследователь

наследия Ползунова Д. Д. Калафаки отмечал, что «самым тщательным и наиболее достоверным является текст, опубликованный В. В. Данилевским в 1940 г.» (см. [9]).

Книга В. В. Данилевского вызвала большой общественный резонанс. По ней проводились научные конференции, пресса изобиловала рецензиями и отзывами. В 1942 г. за исследования об И. И. Ползунове и о развитии гидротехники в России ученый был удостоен Сталинской премии второй степени (см. [2]).

В 1942 г. была создана группа по разработке проблем истории техники Урала во главе с академиком И. П. Бардиным. Вошедший в ее состав В. В. Данилевский сосредоточился на двух направлениях: работе в архивах и проведении экспедиционно-полевых исследований. В поисках технических памятников и производственных объектов прошлого ученый исколесил множество старинных городов и сел Урала, воскресив из небытия большое количество неизвестных событий, дат, имен, мест. Факты локального масштаба (второй величины) в своей совокупности давали целостную картину промышленного развития региона, одаренности и предрасположенности простого люда к техническому творчеству и ремеслам. Обследовав книгохранилища и рукописные фонды, изучая подшивки газет, беседуя со старожилами и знатоками местной старины, воссоздавая производственно-топографическую картину прошлого, В. В. Данилевский сформировал и развил на практике историко-техническое краеведение, соединившее в себе элементы этнографии, археологии, социологии, географии, технических наук, промышленных ремесел и фабрично-заводской индустрии.

В 1944 г. В. В. Данилевский возвратился в Ленинград, где возобновила работу руководимая им кафедра истории техники ЛПИ. Успешная деятельность коллектива — оригинальные формы преподавания дисциплины, вплоть до учебно-полевых экспедиций по городу и его окрестностям, результативные защиты диссертационных работ, проведение научных исследований, организация при институте общегородского семинара по истории техники и пр. — способствовала росту авторитета Данилевского.

В 1947 г. развернулась кампания по восстановлению системы преподавания историко-технических дисциплин в учебных заведениях страны. Одним из главных ее идеологов и руководителей стал В. В. Данилевский. 9 января 1948 г. Коллегия Министерства высшего образования СССР заслушала его доклад о возобновлении преподавания этой дисциплины, позднее опубликованный в «Вестнике высшей школы» [10]. По итогам доклада и его обсуждения министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов издал приказ о введении преподавания истории науки и техники в вузах страны (см. [4]). В институтах началось чтение курса. В ряде учебных заведений Москвы и Ленинграда возобновили работу или были учреждены кафедры по истории техники. Историки техники ЛПИ оказывали большую научно-методическую помощь коллегам из других институтов. Особо тесная взаимосвязь установилась с кафедрой истории техники МЭИ*.

* По воспоминаниям работавшего в МЭИ известного историка техники И. Я. Конфедератова, которыми он в свое время поделился с автором этих строк, В. В. Данилевский оказал на него большое влияние в выборе темы работы «Начальный период развития теплоэнергетики», защищенной впоследствии в качестве докторской диссертации. В. В. Данилевский как ведущий историк техники и автор крупнейшей монографии об И. И. Ползунове поддерживал и курировал весь ход исследования. Ученый оказал большую поддержку и известному исторiku техники Н. И. Фальковскому в его трудоустройстве в 1947 г. в Комиссии по истории техники и издании монографии «Москва в истории техники».

Для подведения годичных итогов «по внедрению истории техники в педагогический процесс» в феврале 1949 г. Минвузом СССР было проведено в Москве специальное совещание. Выступавшие на нем С. В. Кафтанов, академик Б. Н. Юрьев, академик АН УССР В. В. Данилевский констатировали успешное развитие преподавания истории техники и необходимость его дальнейшего закрепления (см. [11]).

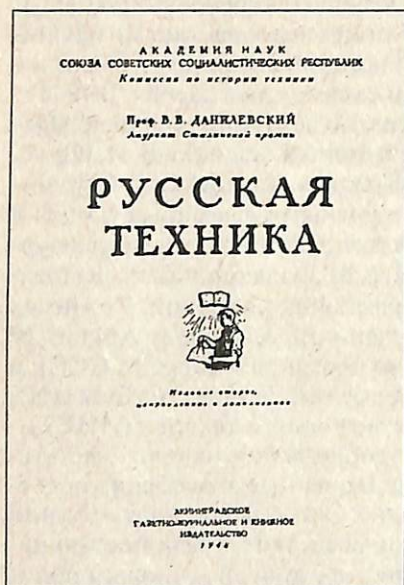
Параллельно с активизацией педагогического процесса возрастает интенсивность научно-исследовательских поисков в области истории техники. 1940-е гг. — время организационного становления дисциплины и ее самоутверждения. В 1944 г. группа И. П. Бардина была преобразована в Комиссию по истории техники при Отделении технических наук АН СССР под председательством академика Б. Н. Юрьева. Вместе с А. А. Байковым, И. П. Бардиным, Г. М. Кржижановским, С. Г. Струминым, М. А. Шателеном и другими крупнейшими учеными в ее состав вошел и В. В. Данилевский. Штат Комиссии при этом составляли два, а позже четыре научных сотрудника. Одним из них был Данилевский [12, с. 8]. Выдающийся исследователь и педагог стал полноправным членом академической корпорации. Комиссия по истории техники, которую в 1949 г. возглавил член-корреспондент АН СССР Л. М. Самарин, просуществовала до 1953 г. Согласно постановлению СМ СССР и соответствующему решению Президиума АН СССР, в сентябре 1953 г. на базе ИИЕ и КИТ в Москве был создан Институт истории естествознания и техники (ИИЕТ).

Еще до войны акценты в историко-технической проблематике начали смещаться в сторону разработки отечественной компоненты. В военные, и особенно послевоенные годы процесс получил дальнейшее развитие. Это объяснялось, с одной стороны, победой над фашистской Германией и, как следствие, — гордостью народа за страну и ее военно-промышленный потенциал, а с другой — новым политическим курсом Запада на свертывание дружественных отношений с Советским Союзом и последовавшей за этим идеологической переориентацией государственного руководства на национальные ценности, в ущерб разработкам зарубежной тематики, в том числе в области науки. Развернувшаяся на этом фоне борьба с космополитизмом несла в себе для многих ученых трудности и даже опасности: замораживание программ, не связанных с отечественной проблематикой, публично-назидательные выволочки непонятливых, понижение в должности, увольнение с работы, исключение из партии и т. д.*

Но В. В. Данилевский свой выбор в пользу изучения отечественной истории техники сделал еще в 1920-е гг., в самом начале творческого пути. И по исследователь-

* Необходимо заметить, что степень идеологического прессинга и кадровых потрясений в зависимости от областей знания была различной. Одно дело — философские и биологические науки, сессия ВАСХНИЛ, проблемы языкознания и т. д., и совсем другое — история техники. В ней уровень и характер напряжения не выходили за рамки следования общей идеологической линии и обеспечения соответствующих исследовательских приоритетов, хотя, конечно, воинствующе-критическая стилистика выступлений тех лет не миновала и историко-техническое сообщество. Так, в своей программной речи на общеакадемическом форуме в январе 1949 г. «Основные задачи разработки истории техники» председатель Комиссии по истории техники (КИТ) АН СССР академик Б. Н. Юрьев подверг грозной критике известных исследователей Ф. Я. Нестерука, Н. Н. Рубцова, популяризатора Л. И. Гумилевского и др. за упущения и просчеты, содержащиеся, по мнению оратора, в опубликованных ими работах. Не избежал замечаний и В. В. Данилевский (см. подробнее [13]). Чуть раньше в адрес тех же Ф. Я. Нестерука, Н. Н. Рубцова и Л. И. Гумилевского каскад строгостей и нравоучений прозвучал из уст Н. И. Фальковского, выступившего 18 ноября 1948 г. на заседании КИТ с докладом «О некоторых недостатках в литературе по истории техники». Однако эти ритуальные разности серьезные последствия не имели.

ским интересам, и по менталитету ученому была близка российская тематика, и он разрабатывал ее в течение всей жизни. Идеологический же разворот господствовавшей политической системы лишь облегчал решение проблем, связанных с доступом к источникам информации и изданием научных трудов.

В 1947 г. В. В. Данилевский опубликовал книгу «Русская техника» [14], вызвавшую наибольшее количество откликов и дискуссий. Массовое внимание к изданию объясняется скорее всего тем, что по жанру это была научно-популярная работа. На огромном фактическом материале автор повествует о развитии в России главных промышленных производств и ремесел. Вводя в оборот как свои архивные наработки, так и сюжеты из работ своих предшественников, он опубликовал, можно сказать, народную энциклопедию-летопись технического творчества ремесленников, новаторов, мастеров-умельцев. Как отмечал в предисловии к книге академик Б. Н. Юрьев, «основная масса материалов почерпнута из архивных фондов, из патентных публикаций и из старопечатных изданий, в которых удалось открыть имена многих тысяч замечательных русских техников-новаторов, обогативших своим творчеством все отрасли... техники» [14, с. 3].

Книга обсуждалась в Отделении технических наук (ОТН) АН СССР, в вузах и научных институтах. В газетах и журналах были опубликованы в основном положительные рецензии на нее. В заслугу автору ставилось то, что он сумел показать, как заметил С. В. Шухардин, «богатство технического творчества русского народа» [4, с. 32].

Вместе с тем нельзя не отметить, что текст книги местами тенденциозен, несет на себе следы авторской спешки и, как следствие этого, содержит неточности и огрехи*. Звучащие постоянным рефреном славословия в адрес российского народа и его технической одаренности утомляют. Да они и не нужны, ибо красноречив сам материал книги. Несомненно и то, что наличие мирового контекста придало бы этой работе большую весомость и убедительность. Именно это было одним из главных положений критики, отмечавшей, что автор ориентируется на «изолиро-

* Одной из наиболее очевидных ошибок является сюжет о полете на тепловом аэростате в 1731 г. некоего Крякутного. Рассказ о полете, якобы имевшем место, уже в начале XX в. публиковался на страницах научных и популярных изданий. Однако ряд исследователей ставили под сомнение этот факт, поскольку информация о нем была заимствована из рукописи небезызвестного мистификатора А. И. Сулакадзева, снискавшего скандальную славу фальсификацией и подделками документов по русской истории. Об этом не мог не знать В. В. Данилевский, и все же, хотя и с оговорками, он включил в книгу сюжет о Крякутном. Вместе с тем нужно отметить, что неопровержимые доказательства фальсификации рассказа о полете Крякутного были получены лишь во второй половине 1960-х гг., т. е. через 20 лет после написания «Русской техники». Архив АН СССР обратился в Научно-технический отдел УВД г. Москвы с просьбой о проведении экспертизы фрагмента рукописи А. И. Сулакадзева, где говорится об этом факте. После тщательного анализа текста НТО УВД констатировал наличие подчисток и исправлений в сюжете о полете (см. [15]).

ванное рассмотрение развития техники в России от развития техники в других странах» [4, с. 32]. Действительно, история отечественной техники рассмотрена вне мировых тенденций, однако объясняется это тем, что сравнительный анализ технического развития разных стран, сопоставление творчества русских и зарубежных изобретателей представляли, по замыслу Данилевского, «специальный предмет нашего следующего обобщенного исследования, которое посвящено всеобщей истории техники» [14, с. 4]. К сожалению, планировавшуюся монографию ученый так и не написал.

В поддержке публикации «Русской техники» принимали участие академики М. В. Кирпичев, С. Г. Струмилин, В. Г. Хлопин и Б. Н. Юрьев. Книга выдержала два издания, и в 1948 г. автор был вторично удостоен звания лауреата Сталинской премии. В том же году В. В. Данилевский был избран действительным членом АН УССР.

Бытует мнение, что не только «Русская техника», но и другие работы В. В. Данилевского субъективны и неточны. Конечно, при таком колоссальном массиве первоисточников — архивного и полевого материалов, введенных ученым в оборот, — вполне реально наличие в его трудах деформаций. Главное — их масштабы и природа. Это могут быть изъяны самих источников (проблема подлинности источника и содержащейся в нем информации), технические погрешности, связанные с подготовкой монографических текстов, и, наконец, авторские ошибки и пристрастия. Необходимо учитывать и то, что суждения об односторонности и предвзятости некоторых работ могли принадлежать оппонентам Данилевского, которые у него, как у любой крупной творческой фигуры, несомненно, были. Вопрос о подлинности фактуры и объективности ее оценок предполагает в каждом конкретном случае проведение непредвзятой и взвешенной экспертизы*.

По истечении пяти десятилетий можно сказать, что идеологически обусловленная и во многом конъюнктурная книга «Русская техника» оказала Данилевскому плохую услугу. Она явилась главным аргументом критиков ученого, обвинявших его в политическом конформизме и исследовательской неразборчивости. Работа способствовала формированию упрощенно-однобокого образа Данилевского лишь как политически ангажированного и пристрастного ученого. Его действительно большие научные свершения (по незнанию или с умыслом) уже несколько десятилетий остаются невостребованными и пребывают в тени.

* В качестве примера приведем сюжет, связанный с велосипедом Артамонова. История эта имеет длинный и запутанный след: смешались правда и небылицы, гипертрофированное чувство поместного патриотизма и историко-технические реалии минувших дней. (О сути и деталях проблемы см. [16; 17]). Для нас важно определить позицию и роль в этом вопросе Данилевского. А они таковы. В осторожно-преположительной форме ученый уделит проблеме всего четыре строки: «Тогда же и в том же Нижнем Тагиле трудился крепостной мастеровой Артамонов, о котором сохранились рассказы, как он приехал с Урала в Москву на коронацию Александра I на двухколесном железном велосипеде...» [14, с. 174]. При этом ученый ссылается на изученную им картотеку № 35 известного уральского краеведа А. А. Черданцева, хранившуюся в годы войны в Свердловском областном литературном музее, а затем рассказывавшую и частично утраченную из-за ведомственной неразберихи. Последующие изыскания показали, что архив Черданцева действительно существовал, как и публикации об изобретении Артамонова, появившиеся еще в прошлом веке. Круг замкнулся. Нет никаких документальных оснований обвинять Данилевского в мифотворчестве по поводу уральского велосипеда. Другое дело, как справедливо отмечают Л. Е. Майстров и Н. Л. Вилинова, упоминание ученого об Артамонове спровоцировало обострение вопроса «подробностями загадочного происхождения» (см. [16]). Очевидно, что точка здесь не поставлена. Тема периодически будет возникать, а полемика продолжаться.

В период борьбы с «низкопоклонством перед иностранщиной» для риторики ученого был характерен наступательно-обличительный пафос. Гневные филиппики в адрес «российских реакционеров и крепостников» не могут не вызывать, по меньшей мере, сожаления. В печати и устных выступлениях В. В. Данилевским проводилась последовательная верноподданическая линия, направленная на апологию отечественной исключительности и «развенчание научных лжезвезд замшелого запада» (см. [18; 19]). И такая позиция, и стилистика ее подачи, естественно, сегодня не могут быть приняты и безоговорочно отвергаются.

На состоявшемся 5–11 января 1949 г. в Ленинграде Общем собрании АН СССР, посвященном истории отечественной науки, В. В. Данилевский возглашал:

Это они (т. е. правящие классы Российской империи. — В. Г.) довели до преждевременной смерти величайшего техника XVIII в. И. И. Ползунова. Это они отправили на виселицу изобретателя звездного реактивного корабля Н. И. Кибальчича. Это они довели до преждевременной кончины изобретателя радио А. С. Попова [20, с. 561].

Из песни слова не выкинешь, и комментарии, как говорить, излишни. Но на этом же форуме и президент АН СССР С. И. Вавилов заявлял, что

еще в XVIII в. вместе с новой западной наукой в Россию проникло позорное преклонение перед иностранной наукой... и презрительное отношение к собственной науке... Непереносимая и явно вредная недооценка достижений отечественной науки, намеренно культивировавшаяся в дореволюционной России, должна быть навсегда искоренена. Могучая страна... выдвинувшая из своих недр гениальных вождей-ученых Ленина и Сталина... завоевала себе право на почетное место в истории человеческой культуры [21, с. 13].

В выступлении Б. Н. Юрьева на том же Общем собрании АН СССР мы встречаемся с тем же:

Необходимо беспощадно бороться... с буржуазными извращениями в истории техники, — наставлял высокое собрание академик Б. Н. Юрьев. — Нам необходимо еще более усилить борьбу с низкопоклонством перед иностранщиной... Нужно обратить особое внимание... на попытки протащить в историческую науку чуждую нам идеологию под формулой «объективизма» [13, с. 492].

Приведенные высказывания характеризуют идеологическую направленность и тональность академического форума*.

Такое было время, таковы «правила игры», и не следовать им было крайне трудно, особенно ученым, вовлеченным в административно-идеологическую орбиту. А В. В. Данилевский, находясь на историко-техническом олимпе педагогики, принадлежал именно к этой группе ученых. Возможно и другое объяснение обли-

* Итоги Общего собрания АН СССР, при всей его идеологической непривлекательности, сыграли, несомненно, и положительную роль в развитии исторической науки. Были увековечены места, связанные с жизнью и деятельностью выдающихся ученых: открыты мемориальные музеи, установлены памятные доски, выпущены календари, открытки, филателистические миниатюры. Заметным событием в истории науки и техники стало издание академических собраний сочинений М. В. Ломоносова, К. Э. Циолковского и др. В соответствии с общим курсом на разработку отечественной истории были выпущены фундаментальные многотомники «История Москвы» и «История русского искусства». Остается лишь сожалеть, что не все намеченное состоялось.

чительного пафоса Данилевского. За долгие годы труда он вжился и сросся с идеей творческой одаренности русского народа, богатства его научно-технического наследия. Не исключено, что свою воинствующую риторику ученый выстраивал убежденно и искренне, тем более что его позиция была как бы идеологически освящена сверху. Так или иначе, его контраверза «царские угнетатели-крепостники — талантливый народ-самородок» наивна и слишком непосредственна. Но в делах и трудах он был верен науке, оставался трудолюбивым и взыскательным ученым. Для современного исследователя при анализе и осознании того сложного и противоречивого времени опасно впасть в состояние однополюсной ограниченности, встать на путь тех же воинственно-разоблачительных устремлений, но только с обратным знаком.

На рубеже 1950-х гг. исследовательские тематика и инструментарий ученого получают дальнейшее развитие. Излюбленный метод изучения историко-технических объектов в естественных условиях обретает зримые черты промышленной археологии. Речь идет об экспедиционно-полевых раскопках и обследовании остатков Усть-Рудицкой фабрики М. В. Ломоносова под Ленинградом (см. [22]).

Фабрика цветного стекла в Усть-Рудице представляла большой историко-производственный интерес, поскольку свидетельствовала не только об исследовательской, но и производственной деятельности великого русского ученого. Это был прообраз современного научно-производственного объединения, собравшего в одно целое промышленные площади, технические объекты (плотины, гидросиловые установки, кузницу, стеклоплавильные печи и т.д.), лабораторию, блок хозяйственно-бытовых построек, жилые помещения. После пожара в 1919 г. от фабричного комплекса, перешедшего в свое время по наследству во владение Раевских и Орловых, практически ничего не осталось.

Усть-Рудицкая экспедиция Данилевского проводилась совместно ОН АН СССР и ЛПИ. В процессе поисков и раскопок были найдены остатки построек и фундамента (бревна, битый кирпич, застывший раствор, куски штукатурки), а также тигли, реторты, стеклоплавильные горшки, весы, металлические формочки для стеклянных отливок, железные наковаленки и другие свидетельства когда-то существовавшего производства.

Учеными были обнаружены остатки фабричных изделий: обломки изразцов, осколки цветного стекла, куски керамики и, наконец, тянутые и пластинчатые смальты, из которых М. В. Ломоносов создавал свои замечательные мозаические произведения*. По результатам исследований и находок была воссоздана топография фабричного комплекса, установлена последовательность технологических операций, доказано проведение М. В. Ломоносовым лабораторных изысканий по определению химического состава, рецептуры и технологии изготовления цветных стекол.

О подготовке и результатах экспедиции ее руководитель В. В. Данилевский выступил с серией докладов, в том числе 27 апреля 1949 г. в Ленинграде на Ло-

* Найденные цветные стекла были так красивы, а результаты исследовательской работы получили столь широкий научно-общественный резонанс, что коллектив экспедиции решил преподнести И. В. Сталину к 70-летию со дня его рождения подарок в виде художественной композиции из выявленных фрагментов Усть-Рудицкого производства. Подношение вождю, выставленное в Музее революции в Москве, впечатляло. На пластине из яшмы была укреплен пятиконечная красная звезда, несущая на себе серп и молот из желтого стекла. Звезда возвышалась над изображением земного шара, выполненного из зеленоватого стекла [22].

моносовском заседании АН СССР, проводившемся под председательством С. И. Вавилова, и 18 апреля 1950 г. на Общем собрании ОТН АН СССР (см. [22]). Материалы экспедиции легли в основу монографии «Ломоносов и художественное стекло» [23].

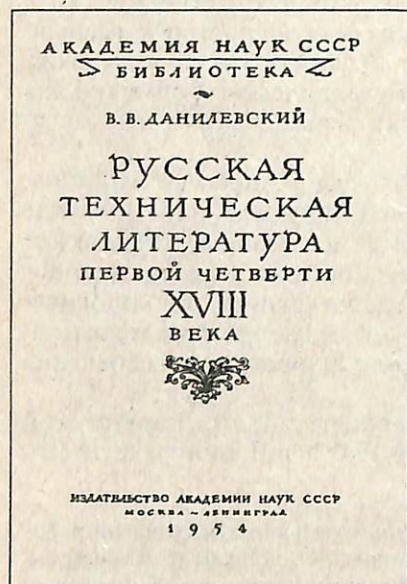
Важнейшим фактором благосостояния России во все времена являлось развитие золотодобывающего производства. Несмотря на его исключительное значение для национальной экономики, яркость и привлекательность проблемы, исчерпывающих историко-технических исследований по данному вопросу не существовало. Пробел был восполнен В. В. Данилевским. Закончив Усть-Рудицкую кампанию, он сосредоточил усилия на написании труда по истории открытий и добычи золота в России [24]. В основу исследования, начатого еще в 1942 г. в Свердловске, легли архивные материалы — один перечень архивов занимает целую страницу книги — и результаты научных экспедиций по Сибири, Алтаю и Уралу.

Работа представляет собой подробное описание социально-экономических и производственно-технических проблем развития отрасли. Автор приводит детальные статистические данные годовых объемов и стоимостных характеристик добычи золота по регионам и отдельным промыслам. Пермское, ниже-тагильское, нерчинское, олонекское, шилово-исетское, березовское, чувовское, горно-благодатское, миасское, невянское, каслинское, кыштымское, уфалейское, сысертское и билимбаевское золотосодержащие месторождения — такова география научных поисков автора. Данилевский описывает приемы работы рудоискателей, создание водоотливных штолен для борьбы с подземными водами в рудниках, устройства гидросиловых и конных приводов для подъема клетей из шахт, орудия труда для измельчения и промывки породы (кайла, молоты, лопаты, буры, лотки, бадьи и т. д.).

В книге раскрывается вклад в развитие отрасли как крупнейших ученых — М. В. Ломоносова и П. П. Аносова, так и малоизвестных рудознатцев, ремесленников, мастеровых, умельцев-изобретателей —

Л. Брусницына, Е. Маркова, Е. Ковалевского, Е. Китаева, И. Кокшарова, Е. и М. Черепановых и др. Портретный ряд строителей «золотой России» протянулся от высокопоставленных чиновников, промышленников, горнозаводских инженеров до приписных крестьян, ссыльных и каторжан. Особый колорит и увлекательность включают в себе архивные материалы, рассказывающие об участии русских специалистов в поисках и добыче золота в Молдавии, Черногории, Германии, Египте, Центральной Африке и Америке. Данилевскому удалось объединить в одно целое социальные, экономические, производственно-технические и географические аспекты исследуемой проблемы. И вполне естественно, что «зеленый свет» рукописи давали одновременно три рецензента: доктора геолого-минералогических, экономических и исторических наук (В. И. Серпухов, Г. А. Пруденский и А. А. Введенский).

В. В. Данилевский придавал большое значение разработке источниковедческой проблематики, выявлению, изучению, описанию и систематизации источников по истории техники. Работа в архивах страны с редкими, зачастую уникальными

ми изданиями, вылилась в написание ученым монографии «Русская техническая литература первой четверти XVIII века» [25]. В прекрасно иллюстрированной монографии рассказывается о первых печатных трудах по гидротехнике, сигнализации и связи, строительству и архитектуре, инженерно-фортификационному и артиллерийскому делу. Автор анализирует петровские уставы, регламенты и указы, освещающие вопросы техники; наиболее значимые из них публикуются в разделе «Приложения». Особый интерес представляет описание работы Полидора Вергилия Урбинского «Осьмь книг о изобретателех вещей» — первой в России книги по истории науки и техники.

Наиболее значимым результатом источниковедческих изысканий ученого стало инициированное им серийное издание библиографических указателей литературы по истории техники. Первые пять выпусков ценнейшего источниковедческого свода (1946–1947, 1948, 1949, 1950, 1951–1955 гг.) были подготовлены и выпущены под руководством самого В. В. Данилевского [26]. Уникальный сериал-долгожитель продолжает выходить вплоть до настоящего времени.

«Нартов и “Ясное зрелище машин”» [27] — последнее большое исследование В. В. Данилевского. В нем ученый как бы подвел итог своему творчеству, синтезировав в одно целое наиболее близкие для него темы: отечественная техника и ее творцы, введение в оборот новых архивных материалов и публикация не издававшихся прежде сочинений, обследование технических средств в условиях их естественной «среды обитания». Монография состоит из двух частей. В первой исследуется жизненный и творческий путь А. К. Нартова. Вторая часть включает в себе полное издание рукописи «Театрум махинарум, то есть Ясное зрелище махин», изготовленной автором в единственном экземпляре и хранящейся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

В работе о Нартове В. В. Данилевский исследовал генезис и развитие технических знаний, роль в их становлении Российской академии наук с самого момента ее создания. Преемственность и целостность этого процесса виделась исследователю в результатах творчества А. К. Нартова, И. П. Кулибина, И. И. Ползунова, К. Д. Фролова, П. Л. Шиллинга, Д. И. Журавского, И. А. Вышнеградского, В. Л. Кирпичева и других ученых, сформировавших единую систему технических наук с их теоретико-методологическим и отраслевым многообразием. Разработка Данилевским вопросов развития технических знаний и инженерного творчества имеет особое значение в свете устойчивой негативной позиции определенных кругов ученых в отношении академического статуса и самостоятельности технических наук, и более того, самого факта их существования.

Последней прижизненной работой В. В. Данилевского была изданная в серии ЖЗЛ биография А. К. Нартова [28]. Выходом книги ученый еще раз заявил о себе как о талантливом популяризаторе и пропагандисте отечественной техники.

Всего В. В. Данилевским опубликовано 50 монографий, более 200 брошюр и

свыше 1000 статей. Сохранились устные и письменные воспоминания коллег ученого, которые в один голос свидетельствуют о его уникальной работоспособности и фанатичной преданности науке. При этом особый акцент делается на волевых качествах, мужестве и силе духа ученого. И это не ритуальная патетика, не ностальгия по невозвратному прошлому.

Дело в том, что еще с 1919 г. в результате физической травмы опорно-двигательного аппарата Данилевский был ограничен в возможности свободного передвижения. Спустя 19 лет, в 1938 г., падение со стремянки с высоты верхнего яруса книжных антресольей усугубило ситуацию. Отныне он мог перемещаться только с помощью костылей. Несмотря на столь тяжкий недуг, ученый в течение нескольких десятилетий исколесил и обследовал большинство индустриально-заповедных регионов и уголков России. Время, свободное от экспедиций, он отводил архивам, публикациям, педагогике, научно-общественной жизни, и уж совсем редкие минуты отдыха — любимой дочери и единственному пронесенному через всю жизнь увлечению — собиранию книг.

Трагическое сочетание физического недуга и необходимости двигаться позволяет лучше понять и объяснить такие черты характера Данилевского, как замкнутость, раздражительность, неуживчивость, эгоцентризм. Пронесенные через всю жизнь интеллектуально-духовные устремления и парализующая их повседневная физическая немощь — что может быть тяжелее и горше этого? (Подробнее о В. В. Данилевском и его жизненном пути см. [29]).

* * *

Жизнь и деятельность В. В. Данилевского нельзя рассматривать вне исторического контекста, свидетельствующего о резонансе личного и общественного начал. Ученый был востребован эпохой. Он преодолел поставленную учителями — А. А. Радцигом и М. А. Шателеном — планку и взял высоту, остающуюся до сих пор недостижимой. Масштабы содеянного Данилевским, прожившим всего 61 год, поражают. Они позволяют говорить о нем как о самом крупном историке техники, рядом с которым можно поставить лишь П. К. Энгельмейера — специалиста в области философии техники и инженерной деятельности.

В. В. Данилевским извлечены из небытия уникальные документы, впервые опубликованы главные работы Нартова и Ползунова, изучены проблемы генезиса технических наук в России, систематизирована источниковедческая база истории техники, разработан и применен комплексный метод исследований промышленно-технических объектов. Экспедиционные изыскания ученого заложили основу полевой истории техники. Производной нового дисциплинарного направления стало историко-техническое краеведение, позволившее назвать сотни неизвестных ранее имен талантливых матеровых, ремесленников, умельцев-изобретателей. На основании этого Данилевский сделал вывод о созидательном потенциале и способностях к техническому творчеству не только отдельных выдающихся личностей, но и широких масс российского народа.

В. В. Данилевский был одним из главных идеологов и организаторов системы преподавания истории техники в вузах страны. Не одно поколение студентов прошло через его школу. Ему принадлежит большая роль в создании профессионального и устойчивого историко-технического сообщества. Но главный итог творчества В. В. Данилевского заключается, несомненно, в формировании у самых широких слоев населения чувства гордости, любви и уважения к великому прошлому России.

Литература

1. История Академии наук Украинской ССР. Киев, 1979.
2. Шухардин С. В. В. В. Данилевский. Некролог // ВИЕТ. 1961. Вып. 11. С. 192–195.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1970.
4. Шухардин С. В. Основы истории техники. М., 1961.
5. Данилевский В. В. Очерки истории техники XVIII–XIX вв. М.–Л., 1934.
6. Данилевский В. В. О методе изучения истории техники // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. № 5–6. С. 37–44.
7. Данилевский В. В. История гидросиловых установок России до XIX в. М.–Л., 1940.
8. Данилевский В. В. И. И. Ползунов. Труды и жизнь. М.–Л., 1940.
9. Калафати Д. Д. Восстановление подлинного текста «Докладной записки» И. И. Ползунова // Изв. ВУЗов. Сер. «Энергетика». 1963. № 4. С. 54–58.
10. Данилевский В. В. Вооружить будущих специалистов знанием истории техники // Вестник высшей школы. 1948. № 3. С. 28–33.
11. За глубокое познание истории отечественной науки и техники // Вестник высшей школы. 1949. № 4. С. 32–34.
12. Илизаров С. С. Историк Москвы Николай Иванович Фальковский // Фальковский Н. И. Москва в истории техники. М., 1997. С. 3–11.
13. Юрьев Б. Н. Основные задачи разработки истории техники // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.–Л., 1949. С. 487–500.
14. Данилевский В. В. Русская техника. Л., 1947.
15. Хроника и информация // Из истории авиации и космонавтики. Вып. 8. М., 1969. С. 104–107.
16. Майстров Л. Е., Вилинова Н. Л. О велосипеде Артамонова // ВИЕТ. 1983. № 1. С. 90–96.
17. Виргинский В. С., Камшилова Т. В., Клат С. А., Лист Г. Н. Как творятся мифы в истории техники (К истории вопроса о «велосипеде Артамонова») // ВИЕТ. 1989. № 1. С. 150–157.
18. Данилевский В. В. Русские новаторы в мировой технике // Стенограмма публичной лекции, прочитанной 2 сентября 1947 г. в Центральной лектории Общества по распространению политических и научных знаний. М., 1947.
19. Данилевский В. В. Первенство нашей родины в важнейших открытиях и изобретениях. Киев, 1951.
20. Данилевский В. В. Творчество в технике ученых и изобретателей дореволюционной России // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.–Л., 1949. С. 545–567.
21. Вавилов С. И. Вступительное слово // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки. 5–11 января 1949 г. М.–Л., 1949. С. 9–15.
22. Данилевский В. В. Раскопки Усть-Рудицкой фабрики М. В. Ломоносова // Изв. АН СССР. ОТН. 1950. № 6. С. 926–937.
23. Данилевский В. В. Ломоносов и художественное стекло. М.–Л., 1964.
24. Данилевский В. В. Русское золото. М., 1959.
25. Данилевский В. В. Русская техническая литература первой четверти XVIII века. М.–Л., 1954.
26. История техники. Библиографический указатель / Под ред. В. В. Данилевского. М.–Л., 1950; 1950; 1952; 1955; 1962.
27. Данилевский В. В. Нартов и «Ясное зрелище машин». М.–Л., 1958.
28. Данилевский В. В. Нартов. М., 1960.
29. Чепарухин В. В. В. В. Данилевский — ученый, библиофил, человек // Международная конференция «Актуальные вопросы теории и истории библиофилизма». СПб., 1999.